

З.И. Резанова, И.Г. Темникова, Е.Д. Некрасова

ДИНАМИКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В ЗЕРКАЛЕ БИЛИНГВИЗМА (РУССКО-ШОРСКОЕ И РУССКО-ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

Представлены результаты анализа проекции билингвальных несбалансированных языковых ситуаций в языковом сознании билингва. Анализируются русско-татарский и русско-шорский билингвизм в местах исконного компактного проживания билингвов с использованием данных социолингвистического и психолингвистического анкетирования. Выделены три возрастные группы билингвов, различающиеся уровнем и характером владения двумя языками (русским и шорским, русским и татарским), а также система субъективного отношения к двум языкам. Охарактеризовано влияние разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики в исследуемых территориях.

Ключевые слова: языковая ситуация; билингвизм; русско-шорский билингвизм; русско-татарский билингвизм; социолингвистическое анкетирование; психолингвистическое анкетирование.

Статья представляет один из аспектов большого исследовательского проекта, направленного на выявление закономерностей исторического развития и современного состояния языков и культур Южной Сибири в аспекте их взаимодействия на основании современных языковых, антропологических и психолингвистических данных с применением корпусных и психолингвистических методов исследования¹.

Конечным результатом проекта станет построение модели языковых отношений анализируемых идиом региона в динамике. В сферу исследовательского внимания участников проекта включаются чувлымский, телеутский, шорский, хакасский, селькупский, хантыйский, мансийский и иных тюркские и уральские языки региона. Собираются лингвистические данные, релевантные для лингвогеографической, этнокультурной и социолингвистической классификации языков и диалектов [1–5].

Одна из особенностей проекта – анализ языкового взаимодействия малых языков региона через обращение к русскому языку, языку-макропосреднику в основном составе сфер коммуникации. При этом исследуется не только влияние доминирующего языка на современное существование малых языков, но и процессы обратного воздействия малых языков коренного населения Сибири на коммуникацию на русском языке, а также влияние свойств этнического (одного из тюркских) языка на когнитивную обработку единиц русского языка в процессах коммуникации при решении разного рода лингвистических и нелингвистических когнитивных задач. Выявляются корреляции между различными исследуемыми классификационными языковыми и психолингвистическими признаками в этногенетических процессах в регионе.

Отметим, что влияние русского языка на местные языки Сибири фиксировалось и ранее в полевых записях, так как практически все информанты, носители языков Юга Сибири, являются билингвами. В настоящее время имеются исследования русско-тюркской интерференции в языковых практиках [6–9]. Последовательного специально ориентированного систематического сбора эмпирического материала, свидетель-

ствующего о влиянии малых языков, являющихся материнскими, на когнитивные процессы русскоязычных билингвов, носителей малых языков региона, никогда не проводилось. Вследствие этого в проекте наряду с формированием корпусов текстов и аудиословарей тюркских и уральских языков региона создаются корпус текстов, отражающих речь русско-тюркских билингвов [10–12]. Формирование репрезентативного корпуса текстов русскоязычных билингвов необходимо для того, чтобы сделать достоверные выводы о речевых манифестациях языковых взаимодействий. Языковые взаимодействия исследуются на основе формирования объемных текстовых баз данных, обеспечивающих возможность многомерной параметризации материала, социолингвистического и психолингвистического анкетирования респондентов, что в совокупности обеспечивает возможность выявить корреляции социолингвистических и собственно лингвистических параметров языковой ситуации в регионе.

Принципиальной установкой авторов проекта является методологическая интеграция: используются *собственно лингвистические методы*, основывающиеся на полевых исследованиях, результатом которых являются введение и анализ нового языкового материала, *методы социолингвистической интерпретации*, основывающиеся на анализе официальных данных о социолингвистической ситуации в разных административных образованиях в регионе, и данных, полученных в полевых исследованиях с привлечением лингвистических и социолингвистических анкет, *когнитивные и психолингвистические методы* (психолингвистическое анкетирование, поведенческие и другие эксперименты) изучения социолингвистических и психолингвистических аспектов языковой динамики региона. В результате такой методологической интеграции становится возможным понимание тенденций динамики языкового взаимодействия, влияние социальных факторов на специфику языковой интерференции и процессов когнитивной обработки разных типов языковых единиц.

В данной статье представлены результаты социолингвистического анализа динамики билингваль-

ных языковых ситуаций в двух территориальных объединениях: в Томске и прилегающих деревнях – языковая ситуация русско-татарского билингвизма; в поселке Шерегеш и городе Таштогол Кемеровской области и прилегающих к ним деревнях, для которых характерна языковая ситуация русско-шорского билингвизма.

Цель статьи – выявление личностных проекций современной динамики языковых ситуаций в регионе, соотнесение объективных параметров двух языковых ситуаций и ее преломления в субъективных самооценках функционального распределения языков билингвами.

При анализе динамических процессов языковой ситуации мы интерпретируем *билингвизм* как вариант мультилингвизма (многоязычия), определяемого как «употребление индивидуумом (группой людей) нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [13]. В такой интерпретации билингвизм / полилингвизм является отражением в личном плане двуязычных / многоязычных языковых ситуаций. При этом спектр вариантов использования языков в коммуникативных практиках может быть весьма широким: от сбалансированного до пассивного, неполного («понимаю, но не говорю») двуязычия¹. Языковая ситуация интерпретируется в соответствии со сложившейся традицией как функциональное распределение языков и подязыков, обслуживающих всю совокупность коммуникативных потребностей жителей какого-либо территориального распределения.

Источником материала послужили официальные данные (результаты переписи населения) [17] данные официальных сайтов администраций исследуемых административных образований [18, 19], общественных организаций [20, 21], а также данные анкетирования, проведенного в экспедициях участниками проекта с использованием двух соотнесенных анкет.

Социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, в настоящее время является общепринятой при получении основной информации для изучения влияния социальных факторов на характер владения языками представителей различных этносов на территории РФ [22]. Анкета включает вопросы относительно социальных аспектов личности билингва: времени и месте его рождения, проживания, уровне и направленности образования, характера профессиональной деятельности, особенностей приобретения и использования языков. Анкета включает также вопросы, направленные на формирование социального и языкового портрета родственников информанта на трех уровнях родства.

Языковая анкета билингва, разработанная на основе опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [23], направлена на получение информации о характере и типе владения языками билингвом / полилингвом. При проведении анкетирования на основе данного опросника используется прием фиксации субъективной самооценки билингвом / полилингвом активности использования, порядка усвоения языков, соотношения времени использования языков в тот период жизни билингва, когда

происходит интервьюирование, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации; определяется история пользования языками – время вхождения в каждый из языков или их изучения, время пребывания в среде языков, оценка информантом уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков и т.д.

В статье представлены результаты анализа проведенного анкетирования².

Границы языковых ситуаций определяются типами речевого взаимодействия, вследствие этого они могут совпадать или не совпадать с границами административных образований. К важнейшим характеристикам языковых ситуаций относятся количество идиомов, обслуживающих все сферы коммуникации, степень их функциональной сбалансированности, т.е. равноправие / неравноправие идиомов в обслуживании всего набора коммуникативных позиций.

В классических социолингвистических работах противопоставляется официальная и фактическая сбалансированность / несбалансированность идиомов в административном (территориальном) образовании³.

Исследуемые билингвальные языковые ситуации в двух территориальных образованиях характеризуются в настоящее время как двуязычные несбалансированные. Татарский (в Томске и прилегающих селах функционирует сибирский диалект татарского языка) и шорский (в двух основных диалектных формах) в настоящее время являются по преимуществу языками семейного, бытового и эстетически направленного общения.

При анализе языковых ситуаций, определения роли и характера использования этнического языка в разных сферах коммуникации мы опираемся на теоретические положения, представленные в работе Е.А. Кибрика, проинтерпретировавшего влияние разнонаправленных социокультурных факторов на степень жизнеспособности малых языков бывшего СССР [25].

Одним из важнейших факторов, определяющих жизнеспособность языка, является **численность этнической группы и говорящих на языке данной группы в соотношении с возрастными группами говорящих на данном языке.**

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность татар в составе жителей Томской области, указавших сведения о национальной принадлежности (95,7% опрошенных), составляет 17 029 человек (1,7% всего населения Томской области), что на 0,2% меньше по сравнению с данными предыдущей переписи 2002 г., по данным которой к татарам себя причислили 20 145 человек. Тем не менее татарам принадлежит второе место по численности населения Томской области. В качестве родного языка татарский был указан 6 948 опрошенными, что составляет 40,8%. Так, практически все татары, по данным Переписи населения 2010 г. (16 901 человек, что составляет 99,2% от числа опрошенных), указали, что владеют русским языком, что же касается татарского, только 6 088 человек (35,7%) отметили, что владеют татар-

ским языком, 32 человека из числа опрошенных указали владение только одним (татарским) языком [17].

Численность шорцев, по данным Переписи населения 2010 г., составила 12 888 человек (0,4% всего населения Кемеровской области), что на 0,1% больше по сравнению с предыдущей переписью (2002 г.) [17]. При этом этническая группа шорцев занимает четвертое (после русских, татар, немцев и украинцев) по численности место среди народов Кемеровской области. Согласно официальным данным, только 64% (6 860) шорцев в 2010 г. указали, что владеют русским языком помимо родного.

Компактность и исконность мест проживания этноса является сильным фактором, содействующим сохранению этнического языка. Обследуемые территориальные объединения являются местами компактного проживания шорцев⁴ (поселок Шерегеш, город Таштогол и прилегающие деревни Кемеровской области) и татар⁵ (деревни Томского района Черная речка, Тахтамышево, Эушта, Барабинка, а также некоторые районы г. Томска (Татарская слобода, или Заисток); центром поддержания жизнеспособности татарского языка можно назвать деревню Эушта, большинство жителей которой общаются между собой преимущественно на татарском языке – на улице, в магазине можно услышать в основном татарскую речь.

А.Е. Кибрик отмечает значительное влияние **фактора возраста говорящих** на нем на жизнеспособность языка.

Анализ отражения языковой ситуации в языковых практиках обследуемых районов дал основание для выделения трех возрастных групп (ВГ) билингвов.

Первую группу составили респонденты в возрасте до 35 лет (в выборке русско-татарских билингвов численность этой группы составляет 7 человек, в выборке русско-шорских билингвов – 3 человека), вто-

рую – от 35 до 65 лет (12 и 8 человек соответственно), третью – старше 65 (6 и 11 человек соответственно).

Анализ анкет, непосредственные беседы с информантами свидетельствуют о различном уровне и характере владения языком в трех возрастных группах, о его резком убывании от старшего поколения к среднему возрасту и молодежи.

Рассмотрим **динамику использования русского языка** изучаемыми группами русско-тюркских билингвов.

Средний возраст респондентов выборки **русско-татарских билингвов** составил 52,56 (SD = 16,9), диапазон варьирования возраста – от 21 года до 77 лет.

На вопрос «На каком языке Вы говорили в детстве до школы?» только татарский указали 4 респондента 1-й ВГ (57,1%), 9 респондентов 2-й ВГ (75%), 1 респондент 3-й ВГ (16,6%); только русский – 1-й (14,3%), 2 (16,6%) и 0, соответственно, 3-й ВГ; остальные указали оба языка. Таким образом, русский язык в качестве основного (единственного) средства общения появляется в семейном обиходе только у представителей 1-й и 2-й ВГ.

В начальной школе русский язык становится основным языком общения во всех возрастных группах – в 1-й ВГ его указали 5 респондентов (71,4%), во 2-й ВГ – 7 респондентов (58,3%), в 3-й ВГ – 5 респондентов (83,3%).

В различных ситуациях общения на момент анкетирования (на работе, в магазине, администрации, с соседями) в качестве единственного средства общения русский язык указали 4 респондента 1-й ВГ (57,1%), 8 респондентов 2-й ВГ (66,6%), и 3 респондента 3-й ВГ (50%).

В диаграмме на рис. 1 отражены тенденции в использовании русского языка представителями трех возрастных групп русско-татарских респондентов.

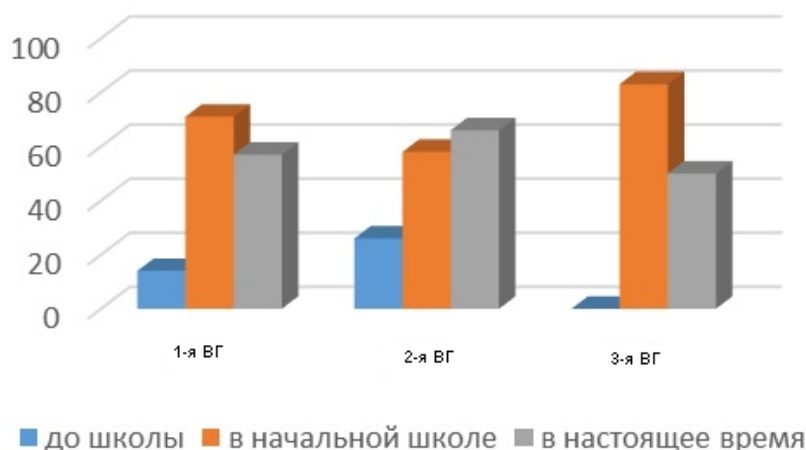

Рис. 1. Динамика использования русского языка русско-татарскими билингвами

Средний возраст респондентов **русско-шорских билингвов** составил 54 года (SD = 14,6). Самому молодому из опрошенных респондентов на момент анкетирования было 27 лет, самому пожилому – 77 лет.

На вопрос «На каком языке Вы говорили в детстве до школы?» только шорский указали 1 респондент 1-й ВГ (33,3%), 5 респондентов 2-й ВГ (62,5%), 5 респондентов 3-й ВГ (45,5%); только русский – 1 (33,3%),

1 (12,5%) и 2 (18%) соответственно, остальные указали оба языка. Таким образом, русский язык в качестве основного (единственного) средства общения в большей степени проявляется в семейном обиходе у представителей 3-й ВГ.

В начальной школе русский язык занимает основное место как язык социальной коммуникации (обучения) во всех возрастных группах – в 1-й ВГ русский

в качестве *единственного* языка общения указали 2 респондента (66,7%), во 2-й ВГ – 2 (25%), в 3-й ВГ – 4 респондента (36%). При этом 100% опрошенных респондентов отмечают, что совмещали использование двух языков: русский как язык обучения и коммуникации с людьми других национальностей, шорский язык – язык бытового и семейного общения.

В различных ситуациях общения на момент анкетирования (на работе, в магазине, администрации, с соседями) в качестве *единственного* средства общения русский язык указали 3 респондента 1-й ВГ

(100%), 4 респондента 2-й ВГ (50%) и 7 респондентов 3-й ВГ (63%). Остальные респонденты отмечают, что по-прежнему используют два языка, дифференцируя их по функциональной сфере использования (в школе – на шорском, в остальных местах – на русском) и национальной принадлежности собеседника (с шорцами – на шорском, с остальными национальностями – на русском).

Различия в использовании русского языка русско-шорскими билингвами отражены в диаграмме на рис. 2.

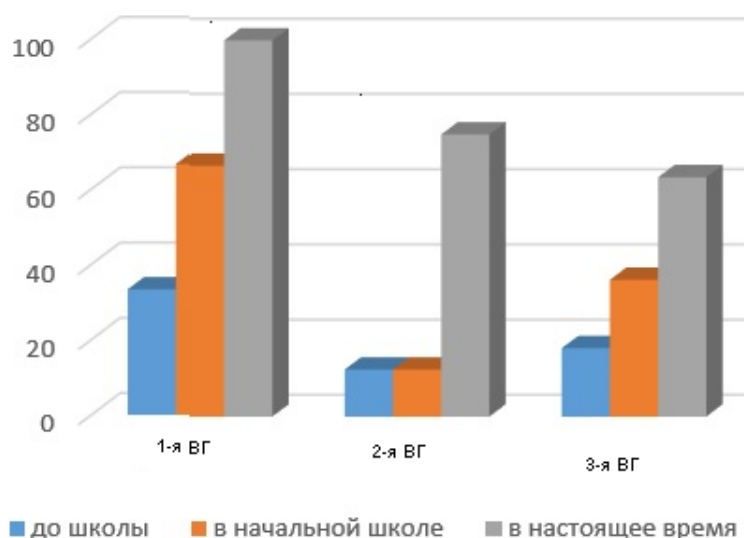

Рис. 2. Динамика использования русского языка русско-шорскими билингвами

Таким образом, можно видеть различия в динамике использования русского языка в исследуемых выборках русско-татарских и русско-шорских билингвов: если у русско-шорских билингвов во всех трех возрастных группах наблюдается устойчивый рост использования русского языка как *единственного* средства общения в самых разных ситуациях, то у русско-татарских билингвов такая тенденция наблюдается только во 2-й ВГ, у представителей 1-й и 3-й ВГ, напротив, наблюдается сокращение сферы использования русского языка в качестве единственного средства общения в настоящее время.

В качестве единственного средства общения татарский или шорский языки используются только на начальном этапе жизни респондентов (как язык семейного общения), в дальнейшем оставаясь языком общения с людьми, относящимися к данному этносу. Интересно отметить, что представители 1-й и 2-й ВГ русско-татарских респондентов в основном указывают в качестве средства общения в период «до школы» либо татарский, либо русский язык, в то время как представители 3-й ВГ чаще всего указывают оба языка (66,6% из числа опрошенных).

Схожую динамику использования родных языков демонстрируют обе группы русско-тюркских билингвов.

Как можно видеть на графиках (рис. 3 и 4), процент респондентов, использующих *только* родной язык во всех сферах функционирования языка, падает при их институционализации: после поступления в

начальную школу дети почти утрачивают возможность общаться *только* на шорском языке. Среди русско-татарских билингвов резко сокращается процент использования *только* татарского языка во всех сферах общения в начальной школе (и сокращается до нуля в современной коммуникативной ситуации).

Охарактеризуем *динамику совместного использования родного и русского языков* в повседневной коммуникации изучаемыми группами русско-тюркских билингвов.

На графиках (рис. 5 и 6) отражено различие в динамике совмещения родного и русского языка в повседневной коммуникации рассматриваемых групп билингвов.

Отметим, что динамика совместного использования родного и русского языков в разных возрастных группах русско-татарских билингвов имеет заметные отличия. Несмотря на то что до поступления в школу представители 3-й ВГ успешно совмещали в повседневной коммуникативной практике оба языка (а возможно, именно поэтому) в период институционализации они с большей легкостью переходят на русский язык, который становится основным языком в дальнейшем. У представителей 1-й и 2-й ВГ такого резкого перехода с татарского на русский язык в начале периода институционализации не наблюдается, возможно потому, что большая часть представителей групп до школы говорили преимущественно на татарском языке.

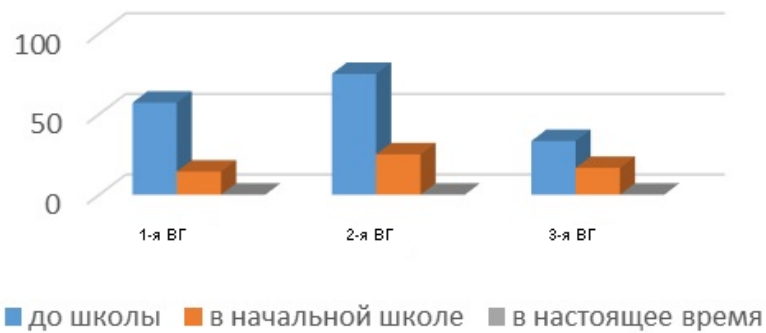

Рис. 3. Динамика использования татарского языка русско-татарскими билингвами

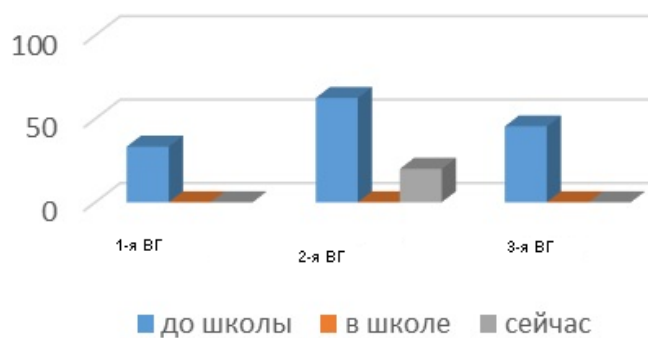

Рис. 4. Динамика использования шорского языка русско-шорскими билингвами

Рис. 5. Динамика использования татарского и русского языков русско-татарскими билингвами

Рис. 6. Динамика использования шорского и русского языков русско-шорскими билингвами

Как показывают данные анкет, до и после поступления в школу представители русско-шорских билингов в разном процентном отношении предпочитают

общаться только на шорском, только на русском либо совмещать (в очень низком процентном соотношении – ниже 30% для всех возрастных групп) оба языка.

После институционализации 100% опрошенных респондентов отмечают, что начинают совмещать два языка в общении. Чаще всего на уроках дети общаются на русском языке, а вне классных стен – на шорском.

Наиболее наглядно **конкуренция языков** у русско-шорских билингвов видна на рис. 7.

Из диаграммы (рис. 7) динамики использования русского и шорского языков русско-шорскими билингвами хорошо видна закономерность:

1. До школы у всех трех возрастных групп билингвов преобладает использование шорского языка во всех коммуникативных сферах (кроме молодежи, которая в равной степени использует русский, шорский языки или комбинирует их).

2. С момента поступления в школу использование *только* шорского языка снижается до 0%. Билингвы начинают комбинировать оба языка, разделяя их по функциональной сфере использования. В школе на уроках говорят на русском, на переменах в школе, дома – на шорском и русском.

3. После школы, с одной стороны, происходит расширение сфер функционирования русского языка, возрастает количество билингвов, предпочитающих и в повседневной жизни использовать *только* русский язык, с другой – в ряде случаев редуцируется жесткая необходимость использовать русский язык в институциональной коммуникации (школа), поэтому несколько возрастает число билингвов, использующих *только* шорский язык.

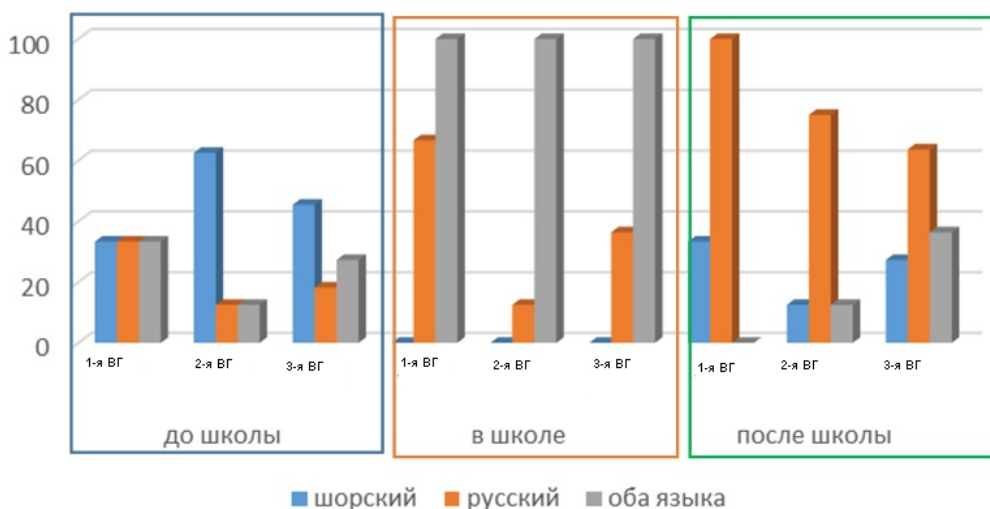

Рис. 7. Динамика использования анализируемых языков русско-шорскими билингвами

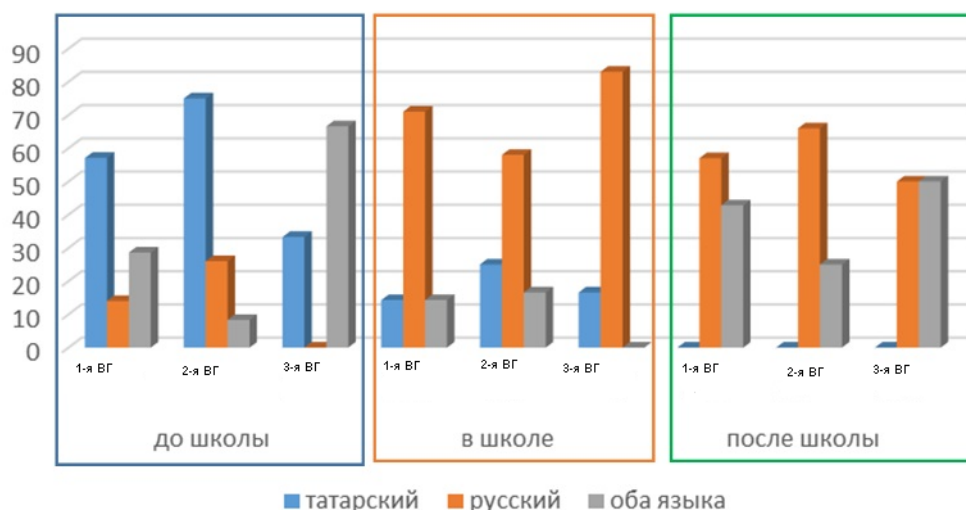

Рис. 8. Динамика использования анализируемых языков русско-татарскими билингвами

Из диаграммы динамики использования русского и татарского языков русско-татарскими билингвами хорошо видна закономерность:

1. До школы у первой и второй возрастных групп билингвов преобладает использование татарского языка

во всех коммуникативных сферах. В третьей возрастной группе отмечается меньший процент использования родного языка в сравнении с совмещением двух языков.

2. С момента поступления в школу использование *только* татарского языка снижается до 10–20%, рус-

ский язык начинает замещать родной во всех сферах функционирования.

3. После школы происходит снижение использования *только* татарского языка до 0%. Наравне с использованием русского языка возрастает ситуация комбинирования обоих языков в повседневном общении во всех трех возрастных группах.

При проведении анкетирования подтвердилась тенденция, выявленная в Переписи населения 2010 г. – определенная **степень свободы этнического самоопределения** от степени и характера владения этническим языком.

При анкетировании в группе русско-шорских билингвов выделились две подгруппы респондентов: большинство отметили в качестве родного языка шорский язык (91% опрошенных), однако часть респондентов в качестве родного языка называет русский язык (2 человека), тем не менее, респонденты обеих групп определяют этническую принадлежность как шорскую.

Кратко охарактеризуем вторую группу респондентов. Один человек отмечает, что начал изучение шорского языка в школе, второй – самостоятельно после окончания университета. При этом оба респондента отмечают шорский язык как «родной» (например, «нужно учить шорский, потому что это родной язык»). В настоящее время один из указанных респондентов работает методистом, второй – учителем русского языка и литературы.

Похожую картину можно наблюдать и в группе русско-татарских билингвов: 2 человека (8% от общего числа опрошенных) указывают в качестве родного языка русский, подчеркивая, однако, заинтересованность в углублении своих знаний татарского языка; несмотря на невысокий уровень владения татарским языком один из респондентов, входящих в данную группу, оценивает степень своей идентичности с татарской культурой на 8 баллов из 10 возможных.

Продолжим анализ факторов, влияющих на характер динамики взаимодействия русского и анализируемых тюркских языков.

При анализе динамики малых языков бывшего СССР в работе А.Е. Кибрика была выявлена значимость **факторов этнического характера браков и типа семейного воспитания**. Анализ анкет позволил выявить следующие тенденции.

Во всех возрастных группах преобладают моноэтнические браки, среди опрошенных шорских респондентов только в третьей возрастной группе респонденты вступают в этнически смешанные браки. Среди татарских респондентов, имеющих супруга / супругу, количество моноэтнических браков незначительно превышает количество смешанных (36% и 24% соответственно).

Русский как язык семейного общения вытесняет этнический не только в этнически смешанных, но и в этнически однородных браках, определяющую роль играет социальная позиция русского языка как доминирующего, что, однако, не сказывается на характере этнического самоопределения: национальность детей определяется как шорская и татарская соответственно.

Отметим различие в позициях шорцев и татар при выборе имен для детей. У шорцев существует тради-

ция именования детей именами, характерными для русской культурной традиции (Ирина, Наталья, Вера, Зинаида, Екатерина, Сергей, Евгений, Игорь и т.п.). Представители первой возрастной категории (до 35 лет), активно стремящиеся к возрождению шорской культуры и шорского языка, – не исключение. Респонденты объясняют выбор имен принятой практикой (например, «Все так называют»). При наличии русских имен у респондентов и их детей (Борис, Денис, Света) в группе русско-татарских билингвов преобладает традиция именования личными именами тюркского происхождения (Наиль, Залида, Амир, Фаниль).

Абсолютное большинство респондентов в качестве **основного фактора, влияющего на усвоение родного языка**, указали **общение в семье**, вследствие этого представим данный параметр подробнее.

В качестве основного фактора влияния на усвоение **татарского языка** почти все носители татарского указывают общение в семье, вторым по значимости фактором является общение с друзьями. Общение с представителями старшего поколения (родители, бабушки, дедушки) происходит в основном на татарском или русском и русском языках, только 2 респондента указали русский язык в качестве единственного языка общения. Что же касается общения с детьми, только 3 респондента из числа имеющих детей используют в качестве средства общения исключительно татарский язык, 9 респондентов – только русский язык, 6 респондентов используют и русский, и татарский.

При общении с другими людьми многие респонденты отдают предпочтение тому языку, который является родным для их собеседников (русский или татарский, в единичных случаях английский, узбекский, казахский, немецкий), 8 респондентов выбирают русский в ситуациях общения с людьми разных национальностей.

В рамках нашей выборки прослеживаются две разнонаправленные тенденции, которые в равной мере характерны для всех трех выделенных возрастных групп: в ситуациях общения с представителями старшего поколения (родители, бабушки, дедушки) большая часть использует татарский или татарский и русский, только русский выбирают единицы (5 респондентов, или 20% от общего числа опрошенных); что касается общения с представителями младшего поколения (дети), ситуация меняется кардинально: только татарский указали лишь 3 респондента (2-я и 3-я ВГ), татарский и русский – 6, большинство в качестве единственного средства общения с детьми выбирает русский язык (9 человек). Таким образом, складывается ситуация, не благоприятствующая поддержанию жизнеспособности татарского языка.

Соотношение использования языков в семейном общении русско-татарских билингвов представлено в табл. 1.

Действию факторов, оказывающих позитивное влияние на сохранение и поддержание языка, противодействуют следующие факторы:

- 1) **преподавание языка в школе**;
- 2) **социально-общественная форма существования этноса**: активная динамика от традиционной к современной, интегрированной в общие социальные процессы;

3) **языковое окружение этноса** – русскоязычное, активные контакты носителей языка с русскоязычным окружением, абсолютное доминирование русского язы-

ка во всех сферах институциональной коммуникации, законодательно закрепленное и фактически реализуемое (образование и все социальные сферы коммуникации).

Таблица 1

Языки общения между представителями разных поколений русско-татарских билингвов

ВГ	С бабушкой, дедом*			С родителями			С детьми*		
	татарский	русский	татарский, русский	татарский	русский	татарский, русский	татарский	русский	татарский, русский
1-я	3 (43%)	–	4 (57%)	–	2 (28%)	5 (72%)	–	1 (14%)	2 (28%)
2-я	10 (83%)	1 (8%)	–	9 (75%)	1 (8%)	2 (12%)	2 (12%)	5 (41%)	4 (33%)
3-я	4 (66%)	1 (16%)	–	3 (50%)	–	3 (50%)	1 (16%)	3 (50%)	–

Аналогичным образом проследим ситуацию общения с семьей в **среде русско-шорских билингвов**. Важным фактором усвоения шорского языка, по субъективной оценке респондентов, является (в порядке убывания влияния): общение с семьей, общение с друзьями, самообразование. При этом мы наблюдаем падение роли этнических языков в семейной коммуникации, как следствие – функционирование их как первых, материнских, родных.

Из табл. 2 видно, что респонденты второй и третьей возрастных групп предпочитают общаться со старшими родственниками на шорском языке, и только в первой

возрастной группе две трети респондентов общаются со старшими родственниками либо на русском, либо чередуя русский и шорский. Первая возрастная группа при общении с детьми делает выбор в пользу русского языка, либо чередует русский и шорский язык. Несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов второй и третьей возрастных групп предпочитают общаться на русском языке со своими детьми, сохраняются традиции общения на шорском языке.

Соотношение использования языков в семейном общении русско-шорских билингвов представлено в табл. 2.

Таблица 2

Языки общения между представителями разных поколений русско-шорских билингвов

ВГ	С бабушкой, дедом			С родителями			С детьми		
	шорский	русский	шорский, русский	шорский	русский	шорский, русский	шорский	русский	шорский, русский
1-я	1 (33,3%)	1 (33,3%)	1 (33,3%)	–	1 (33,3%)	1 (33,3%)	–	2 (66,6%)	1 (33,3%)
2-я	7 (87%) ^{6*}	–	–	5 (62%)	–	2 (18%)	2 (25%)	3 (37,5%)	2 (25%)
3-я	6 (54%)*	–	–	6 (54%)	2 (18%)	2 (18%)	1 (9%)	8 (72,7%)	1 (9%)

Действию факторов, оказывающих позитивное влияние на сохранение и поддержание языка противодействуют следующие факторы:

1) **преподавание языка в школе;**

2) **социально-общественная форма существования этноса:** активная динамика от традиционной к современной, интегрированной в общие социальные процессы;

3) **языковое окружение этноса** – русскоязычное, активные контакты носителей языка с русскоязычным окружением, абсолютное доминирование русского языка во всех сферах институциональной коммуникации, законодательно закрепленное и фактически реализуемое (образование и все социальные сферы коммуникации).

Все это способствует вытеснению исконных языков в сферы бытового общения, семейного, дружеского, сужение социальных сфер коммуникации, что проявляется и в исследуемых языковых ситуациях. Все поколения опрошенных респондентов, и шорцев и татар, получали образование на русском языке. Именно необходимость получения образования, стремление к успешности в обучении, в жизни многих представителей старшего поколения явилась причиной отказа от использования родного языка даже в семейном общении. И хотя только 30% опрошенных респондентов отмечают, что во время обучения в школе им запрещали использовать на уроках шорский язык, некоторые респонденты отмечали, что в семье также запрещали говорить на родном языке, так

как слабое владение русским виделось препятствием к успехам в школе. При этом во всех случаях классы представляли собой национально смешанные коллективы. В анкетах 12 человек русско-шорских билингвов отметили, что до школы говорили только на шорском языке, 7 – на шорском и русском (при этом только 1 человек из этого числа отмечает в качестве родного языка русский). После начала обучения в школе для указанных респондентов активными языками становятся и шорский, и русский. Таким образом, именно обучение на русском языке как основа всех сфер социализации является основой сначала функционального выравнивания родного и русского языков, а затем – выдвижения русского языка в функционально более сильные позиции (см. табл. 2).

На позиции русского языка оказывают влияние распад традиционной формы существования этносов, практически полная интегрированность в общие социальные процессы современного российского общества. Данные анкет, материалы бесед с респондентами показали значительную социальную (территориальную) мобильность представителей исследованной группы носителей русско-татарского билингвизма: более половины респондентов, русско-татарских билингвов, указали местом своего рождения Кемеровскую, Омскую области, Красноярский край, Казахстан, Узбекистан, Башкортостан.

При том что большинство из респондентов-шорцев родились и проживают в Кемеровской обла-

сти (Новокузнецкий, Таштагольский районы), местах этнического распространения, более половины из них выезжали на продолжительное время (более полугода) из места рождения, из которых 34% – за пределы района этнического расселения шорского этноса (в том числе в Казахстан, Киргизию, Алтайский край, Тюменскую, Свердловскую, Магаданскую области). Чаще всего причины отъезда связаны с получением образования (2–4 года) или поиском «лучшей жизни».

Основной социальной, и в ряде случаев – локальной мобильности в современном обществе является образование. Так, из опрошенных респондентов русско-шорских билингвов 43% имеют высшее образование и только 13% – начальное или незаконченное среднее образование, из 25 опрошенных русско-татарских билингвов 84% имеют высшее или неоконченное высшее образование, 8% – среднее специальное образование, 8% не предоставили сведения об образовании.

При этом уже для получения среднего образования около 30% респондентов-шорцев вынуждены были переезжать более крупные поселки, и лишь один респондент русско-татарский билингв был вынужден ходить в среднюю школу в соседний населенный пункт в связи с тем, что в ее деревне была только начальная школа.

Высшее и средне-специальное образование получали обычно в крупных городах или областных центрах в России (Новокузнецк, Красноярск, Междуреченск, Барнаул, Кемерово, Свердловск) и ближнем зарубежье (например, Туркестан (Казахстан)). Подавляющее большинство респондентов указало местом получения высшего и среднего специального образования Томск, кроме этого, были указаны Ташкент, Казань, Уфа, Екатеринбург, Кемерово.

Из всего числа опрошенных респондентов образование у 34% связано со специализацией в языках (учитель русского языка и литературы, учитель шорского языка, специалист по английскому и китайскому языку) или филологии. В настоящий момент 3 человека из опрошенных работают педагогами в школе или на базе дополнительного образования.

Таким образом, при том что в проекте исследовались языковые практики билингвов в местах исконного компактного проживания, русский язык является доминирующим и в ситуациях семейного, бытового общения, роль его является универсальной в ситуациях социально обусловленных миграций.

Все это определяет характер использования языков, определение используемых языков билингвами в **качестве активных и доминирующих в настоящее время.**

Так, все *респонденты-шорцы* без исключения отмечают, что на момент анкетирования в качестве **активных языков** для них выступают и русский, и шорский. Степень актуализации языка может варьироваться в зависимости от различных социальных факторов (окружение, занимаемая должность, место проживания). Мы наблюдаем типичное соотношение сфер использования языков в билингвальных языковых ситуациях: практически все респонденты-шорцы отмечают, что предпочитают использовать шорский язык при общении с другими шорцами и русский – при общении с русскими людьми и людьми других национально-

стей, владеющих русским языком. Сферы использования родного языка (шорского) определяют и уровень владения им: по самооценке, отраженной в анкетах, почти все респонденты не испытывают никакого дискомфорта в устной коммуникации (говорю и слушаю), неплохо читают тексты на шорском языке и испытывают сильные затруднения при необходимости писать на шорском языке (за исключением учителей шорского языка). Отметим, что некоторые респонденты связывают сложность чтения на шорском языке с отдаленностью литературной нормы от их диалекта.

Естественно, что респонденты отмечают отсутствие сложностей с коммуникацией, чтением или письмом на русском языке.

При этом 20 человек из 21 опрошенного отмечают, что **доминирующим языком** для них в настоящее время является русский (пункт анкеты «Укажите, пожалуйста, какой язык в настоящее время Вы используете чаще всего»), сфера влияния русского и шорского языков различна (пункт анкеты «Пожалуйста, укажите в процентах количество времени, в течение которого Вы в настоящее время находитесь в среднем под влиянием (говорите, слушаете, и т.д.) каждого языка (общее количество должно составлять 100%»)). 12 человек из числа опрошенных отмечают, что наибольшее влияние на них оказывает русский язык, 5 респондентов испытывают в равной (или почти равной) степени влияние обоих языков, 3 человека почти не испытывают влияния русского языка. Вторая группа в большей степени представлена респондентами, занимающимися в настоящее время или в прошлом должности в общественных организациях, направленных на популяризацию шорской культуры. В последней группе представлены респонденты, проживающие в небольших деревнях, или люди пенсионного возраста, окружение которых составляют в основном носители шорского языка.

Несмотря на схожие параметры оценки владения русским и шорским языками респондентами всех трех возрастных групп, необходимо сделать некоторые замечания относительно субъективности вводимой оценки. Представители первой возрастной группы склонны оценивать свое владение шорским языком как «свободное», хотя такое владение свободным не может быть названо, поскольку не используется для коммуникативных целей – непосредственно в среде бытового общения.

Все без исключения респонденты-шорцы отмечают, что считают необходимым получить возможность изучать шорский язык в школе, и для исправления ситуации предлагают ввести следующие мероприятия: уроки / факультативы в общеобразовательной школе или создание шорской воскресной школы, формирование шорского разговорного клуба, проявление активности молодежью, помощь от администрации области.

Анализ ответов респондентов *русско-татарских билингвов* выявляет аналогичные тенденции в самооценках уровней владения родным и русским языками. 21 человек из 25 опрошенных русско-татарских билингвов указывают **русский язык в качестве доминирующего**, при этом только 4 респондента заявляют приоритет русского языка в процессе усвоения языков. Кроме татарского и русского респонденты

отмечают владение такими языками, как узбекский, таджикский, немецкий, английский, французский, башкирский, турецкий, молдавский, казахский, арабский (только 6 человек владеют 2 языками, 11 человек указали 3 языка, 4 респондента отметили владение 4 языками, 5 человек – 5 языками).

Степень влияния русского языка в настоящее время респонденты оценивают как достаточно высокую – 22 человека оценили количество времени, в течение которого они находятся под влиянием русского языка, выше 50%; в целом цифры варьируются от 24 до 99, средний процент 67,3. Оценка количества времени, в течение которого респонденты находятся под влиянием татарского языка, варьируется от 1 до 99%, средний процент – 30,2. Только 7 человек оценили количество времени, в течение которого они находятся под влиянием татарского языка, 50% и выше. 5 человек из последней группы проживают в Томске, 4 из них относятся к старшей возрастной группе. 2 человека проживают в д. Черная речка, относятся к разным возрастным группам (до 30 и старше 50 лет). 15 человек из числа опрошенных указали, что находятся под влиянием других языков, число которых может достигать до 3, количество времени в большинстве случаев незначительно, достаточно большие цифры (25%, 30%) связаны с родом деятельности респондентов (студент факультета иностранных языков, помощник руководителя).

Таким образом, образование, социальная и территориальная мобильность, интегрированность представителей рассматриваемых этносов во все сферы социальной жизни, языком общения в которых выступает русский язык, определяют его доминирующие позиции в коммуникации подавляющего числа представителей всех возрастных групп. Рассмотренным факторам, обуславливающим сокращение сфер функционирования этнического языка, противостоят в настоящее время в позитивном плане **фактор роста национального самосознания, поддерживаемый современной государственной языковой политикой.**

Образование, которое в настоящее время ведется на русском языке, с одной стороны, выступает как фактор, определяющий доминирование русского языка, как фактор разрушения традиционных установок этноса, с другой стороны, в условиях изменения активности процессов национально-языковой политики в регионе, выступает как фактор, способствующий возрождению национального самосознания. Данные бесед с информантами, анкетирования свидетельствуют об активном интересе к традиционным этническим ценностям и языку, с одной стороны, с другой – об отставании принимаемых государственных мер от потребностей. Так, например, в Томске активно действует Центр татарской культуры, на базе которого проводятся различные мероприятия по продвижению татарской культуры и татарского языка, в частности, национальные праздники (Сабантуй), вечера татарской поэзии с привлечением татарских писателей и поэтов Томска, спектакли на татарском языке, фестивали татарской культуры, творческие конкурсы («Татарская хозяйка»), встречи краеведов, и т.д. В центре на постоянной основе работают детские музыкальный и

хореографический кружки, кружок татарского языка для детей и взрослых, создан постоянный ансамбль татарского танца «Айну».

В деревне Эушта существует музей татарской культуры, который находится на территории школы № 66. Музей создан совместными усилиями жителей деревни, его директором и инициатором создания является Фариза Курбанбаева, учитель начальных классов. В нем собраны предметы быта, одежда, обувь, исторические документы, позволяющие проследить историю деревни Эушта. В школе работает факультатив татарского языка для детей начальных классов.

Однако преподавание татарского языка в Томской области sporadично; кроме кружка татарского языка в ОГАУК «Центр татарской культуры» и факультатива в школе № 66 д. Эушта татарский язык преподается также факультативно в начальных классах школы, расположенной в д. Черная речка, а также с 2018 г. организуются летние смены в детских лагерях отдыха с изучением татарского.

Для улучшения языковой ситуации респонденты-татары предлагают ввести преподавание татарского языка в школах, организовать центры по изучению татарского языка, говорить в семье на родном языке, отмечать национальные праздники.

Что касается поддержания шорского языка, существует 9 общественных организаций поддержания шорского языка и культуры, включая такие как «Совет старейшин шорского народа», Общественная организация шорского народа Таштагольского района «Таглыг Шор» (Горная Шория), Общественное движение «Междуреченское общество коренного населения “Алтын Шор” (Золотая Шория) (г. Междуреченск), Мысковское городское общественное движение «Шория» (г. Мыски) и др. [18] и др., 17 коллективов песенного и хореографического творчества [Там же]. В городе Новокузнецке располагается Центр шорской культуры «Аба-Тура». Существует 4 музея шорской культуры: Мысковский историко-этнографический музей (г. Мыски), Музей этнографии и природы Горной Шории (г. Таштагол), Шорский этнографический музей «Тазыхан» (г. Новокузнецк), Этнографический музей под открытым небом «Тазгол» (г. Таштагол, пос. Усть-Анзас). В г. Кемерово на кафедре русского языка, литературы и методики обучения НФИ КемГУ существует Центр языков и культур народов Сибири, на базе которого проходит обучение шорскому языку. Инициативные группы в населенных пунктах проводят обучение детей шорскому языку на базе общественных организаций, домов культур.

Для улучшения языковой ситуации респонденты-шорцы предлагают ввести преподавание шорского языка в школах, организовать центры по изучению шорского языка, говорить в семье на родном языке, отмечать национальные праздники.

Данные факторы обуславливают расширение функциональной палитры использования этнических языков – их использованию в институциональных практиках (общение в центрах культуры, обучение родному языку), актуализацию его эстетической и этнической функций. Данные тенденции отражены в системе лич-

ностных оценок респондентов, носителей и шорского, и татарского языков, в дифференциации характера ответов представителей разных возрастных групп.

Так, респонденты второй и третьей возрастной групп русско-шорских билингвов могут воспроизвести отдельные фольклорные жанры: песни, частушки, представители первой возрастной группы отмечают, что знакомы с шорским фольклором с раннего детства: почти все респонденты отмечают, что слышали национальные сказки, однако не могут их воспроизвести.

15 человек из числа русско-татарских респондентов демонстрируют не просто знакомство с татарским фольклором, в основном это национальные сказки (Шурале), но и готовность их воспроизвести. Песни на татарском языке могут исполнить 17 респондентов, в анкетах приводятся названия песен.

Погружению в мир национального фольклора, проводниками которого ранее были в контекстах семейного общения представители старшего поколения, в настоящее время содействуют преподаватели воскресных школ и лидеры центров культуры.

На территории компактного проживания шорцев в настоящее время сохраняется совмещение в личных практиках элементов языческой и христианской культур, проявляемых в том числе сохранении традиционных религиозных обрядов. Одним из своеобразных инструментов сохранения поддержки национального языка выступают речевые практики проводимых обрядов. Так, из опрошенных респондентов-шорцев 9 человек отмечают, что проводят обряды на шорском языке, 2 – на шорском и русском языках (среди людей, использующих шорский язык для проведения обрядов, представлены и те 2 респондента, для которых в качестве родного выступает русский язык): 8 респондентов-татар отмечают, что проводят обряды на татарском языке, 4 – на арабском, 2 – на русском и татарском, 1 – только на русском.

Таким образом, проведение анкетирования носителей русско-шорского и русско-татарского билингвизма в местах компактного исконного проживания представителей двух тюркских языков позволило выявить отражение на личном уровне билингвальных несбалансированных ситуаций. Анализ анкет, непосредственные беседы с информантами свидетельствуют о различном уровне и характере владения

языком в трех возрастных группах, о его резком убывании от старшего поколения к среднему возрасту и молодежи, о различии конкретных сфер общения, обслуживаемыми соотношенными языками в коммуникативных практиках билингвов.

Факторами, способствующими усилению влияния русского языка, вытеснению исконных языков в сферу бытового общения и эстетически обусловленной коммуникации, влияние которых усиливается при переходе от третьей группы к первой, являются обусловленная объективными мировыми тенденциями глобализации языковая политика РФ, законодательно определяющая роль русского языка в качестве государственного, используемого во всех сферах институциональной коммуникации, являющегося языком образования на всех его этапах, социальная и локальная мобильность жителей региона. Молодежь (первая возрастная группа), в отличие от представителей второй и третьей возрастных групп, в которых по-прежнему наблюдается ситуация коммуникативного сосуществования русского и родного языков, демонстрирует меньшую свободу владения родным языком в связи с повышением уровня образованности и отсутствием возможности постоянной бытовой коммуникации на родном языке (из-за проживания в русскоязычных поселениях).

Наиболее сильными факторами, способствующими поддержанию активности в настоящее время шорского и татарского языков, в том числе и в 1-й ВГ билингвов, являются компактность проживания в местах исконного населения, возрождение национального самосознания, поддерживаемое институционально в исследуемых районах, менее сильными являются семейное воспитание, еще сохраняющиеся черты традиционного, тенденция к моноэтничности браков. Обучение родному языку, необходимость общаться со старшими родственниками на национальном языке, моноэтничный характер браков, повышенный интерес с родной культуре – все это создает почву для дополнительного всплеска национального самосознания именно в первой возрастной группе, которого часто не наблюдается в средней и старшей возрастной группах.

Выявленные тенденции являются общими и в то же время вариативно проявляющимися в языковых ситуациях русско-шорского и русско-татарского билингвизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Мы разделяем позиции исследователей, обозначающих данным термином разные уровни владения языком, см.: [14. С. 15–16; 53] и др.

²Зафиксировано 1 532 реакции на 71 вопрос социолингвистической анкеты и 548 реакций на 21 вопрос анкеты билингва 25 русско-татарских билингвов, а также 1 633 реакции на вопросы социолингвистической анкеты и 483 ответа на вопросы анкеты билингва от 23 респондентов, представителей русско-шорского билингвизма.

³Несбалансированность взаимодействия языковых образований в регионах Российской Федерации определяется современным языковым законодательством (ст. 68 Конституции РФ определяет в качестве государственного языка на всей территории РФ русский язык, регламентирует право республикам устанавливать свои государственные языки и гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [24]). В Конституции и важнейших законодательных актах формулируется направленность языковой политики РФ не только на всемерное развитие русского государственного языка, но и на поддержание языков, не являющихся языками официального общения в РФ или каком-либо территориальном образовании. Однако отсутствие государственного статуса таких языков и ряд других факторов приводят к существенному ограничению их социально-коммуникативных функций.

⁴Местами компактного проживания шорцев является юго-восточный угол Западной Сибири, главным образом – юг Кемеровской области (Таштагольский, Новокузнецкий, Междуреченский, Мысковский, Осинниковский и другие районы), а также некоторые смежные районы Хакасии и Республики Алтай, Красноярский и Алтайский края. В проекте анкетирование русско-шорских билингвов в местах компактного проживания – в г. Таштогол и пос. Шерегеш и прилегающей деревне Суета.

⁵Сибирские татары – коренное население современных Красноярского края, Новосибирской, Омской, Свердловской, Томской и Тюменской областей РФ. Они в свою очередь делятся на 3 этнографические группы – барабинскую (барабинско-туражские, любейско-тунусские и теренинско-чойские татары), тобольско-иртышскую (включает курдакско-саргатских, тарских, тобольских, тюменских и ясколбинских татар)

и томскую (колмаки, чатыбуэштуинцы). Томская область. Население 1 076 762 чел. (2016 г.). Численность татар в 2010 г. – 17 029 человек (в 1970 г. – 15 286, в 1979 г. – 17 629, в 1989 г. – 20 812, в 2002 г. – 20 145). Они компактно проживают в Томске и его пригородных селениях (Барабинка, Воронино, Казанка, Калтай, Кафтанчиково, Курлек, Ново-Исламбуль, Тахтамышево, Чёрная Речка, Эушта), в г. Стрежевой; в Бакcharском, Верхнекетском, Зырянском, Кожевниковском, Колпашевском и Кривошеинском районах [26. С. 5, 230].

⁶Не все респонденты дали ответ на данный вопрос. Наличие такой ситуации помечается знаком *.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. лит., 2007. 223 с.
2. Лемская В.М. Выражение категории посессивности через отношения предикации в чулымско-тюркском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 4 (14). С. 37–42.
3. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 4 (10). С. 24–35.
4. Федотова Н.Л. К вопросу о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке // Урало-алтайские исследования. 2017. № 2 (25). С. 67–79.
5. Vorobeva V., Novitskaya I., Girfanova K., Vesnin V. Adnominal possessive constructions in Naryn, Vasjagan and middle-Ob dialects of selcup // *Linguistica Uralica*. 2017. Т. 53, № 1. P. 54–64.
6. Вафина А.Д., Юмагулова Ю.М. Типология словотворческих инноваций в условиях русско-тюркского двуязычия. // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. 2 (69). С. 130–134.
7. Боронникова Н.В. Об интерференции в падежной системе (на материале русских спонтанных текстов татар и коми-пермяков) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 115–120.
8. Саитбатталов И.Р., Саяхова Д.К. Языковая и культурная интерференция в русском языке Башкортостана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66), ч. 2. С. 163–165.
9. Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965.
10. Веснина Г.Ю., Кустова Г.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: явления языковой интерференции в русской речи билингвов Томска и Томской области // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5 (часть 4). С. 697–701. URL: <http://www.applied-research.ru/article/view?id=7201> (дата обращения: 07.09.2018).
11. Резанова З.И., Веснина Г.Ю. Подкорпус русской речи билингвов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки корпуса // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 29–39. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000539357> (дата обращения: 07.09.2018).
12. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. DOI: 10.17223/22274200/11/7
13. Зограф Г.А. Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/mnogoyazychie/366> (дата обращения: 07.09.2018).
14. Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972.
15. Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. Тбилиси, 1979.
16. Mackey W.F. A Typology of bilingual situation // *Foreign language Annals*. 1970. Vol. 3, Is. 4. P. 596–606.
17. ВПН-2010. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.09.2018).
18. Томская область. Официальный портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru> (дата обращения: 07.09.2018).
19. Администрация Кемеровской области. URL: <https://ako.ru/> (дата обращения: 07.09.2018).
20. Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры». URL: <http://tatar-tomsk.ru/> (дата обращения: 07.09.2018).
21. Тадарлар.ру – информационный проект о шорском народе. URL: <http://tadarlar.ru/> (дата обращения: 07.09.2018).
22. Социолингвистическая анкета. URL: <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic> (дата обращения: 07.09.2018).
23. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*, 50 (4). P. 940–967. URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/> (дата обращения: 07.09.2018).
24. Конституция Российской Федерации URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 07.09.2018).
25. Кибрик А.Е. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР // *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М., 1992. С. 67–79.
26. Регионы компактного проживания татар в Российской Федерации. Казань, 2016. 336 с. URL: <http://www.antat.ru/ru/ite/publishing/novye-zdaniya/files/РЕГИОНЫ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ТАТАР.pdf> (дата обращения: 07.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 сентября 2018 г.

DYNAMICS OF SOCIOLINGUISTIC PROCESSES IN SOUTHERN SIBERIA MIRRORED IN BILINGUALISM (RUSSIAN-SHOR AND RUSSIAN-TATAR LANGUAGE INTERACTION)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 56–68.

DOI: 10.17223/15617793/436/7

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru / resso@rambler.ru

Irina G. Temnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irtem@sibmail.com

Elena D. Nekrasova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Keywords: linguistic situation; bilingualism; Russian-Shor bilingualism; Russian-Tatar bilingualism; sociolinguistic survey; psycholinguistic survey.

The paper represents one of the aspects of a large research project aimed at revealing the regularities of historical development and the current state of languages and cultures of South Siberia in the aspect of their interaction. The paper presents the results of a sociolinguistic investigation of the dynamics of bilingual linguistic situations existing in two regions: Russian-Tatar bilingualism in Tomsk and neighbouring villages, and Russian-Shor bilingualism in the towns of Sheregesh and Tashtagol (Kemerovo region) and neighbouring villages. The paper is aimed at the disclosing of personal projections of modern dynamics of linguistic situations in the region, correlation of objective parameters of two linguistic situations and its refraction in subjective self-assessments of the functional distribution of languages by bilinguals. The data were taken from the population census report, the official websites of the administrative entities under study, public organisations, the questionnaire survey conducted by project participants using two related questionnaires, the sociolinguistic questionnaire developed by O. Kazakevich, and the linguistic questionnaire by V. Marian, K. Blumenfeld and M. Kaushanskaya. The paper presents the analysis of the results of Russian-Tatar bilinguals' questionnaires (1532 responses to 71 questions of the sociolinguistic questionnaire and 548 responses to 21 questions of the linguistic questionnaire); Rus-

sian-Shor bilinguals' questionnaires (1633 responses to questions of the sociolinguistic questionnaire and 483 responses to the questions of the linguistic questionnaire). The analysis of the linguistic situation makes it possible to distinguish between 3 age groups of bilinguals: the first group comprises the bilinguals at the age of 20–35, the second from 35 to 65, the third older than 65. The paper presents the data of descriptive statistics characterising the level of mastering a language (Russian and Tatar, Russian and Shor in the two groups under study correspondingly), distribution of languages in different spheres of communication, the degree and way of their dominance and functioning in various periods of the respondents' lives and at the present moment. The analysis of questionnaires and communication with the respondents indicate a different level and character of language proficiency in the three age groups, its abrupt decrease from the older generation to the middle age and youth, the difference in specific areas of communication served by correlated languages in communicative bilingual practices. The factors that enhance the impact of the Russian language and extrusion of ancestral languages into the sphere of everyday communication and aesthetic communication, the influence of which increases in the third group compared to the first one, are the language policy of the Russian Federation, which legislatively determines the role of the Russian language as a state language used in all areas of institutional communication, which is the language of education at all stages, social and local mobility of the inhabitants of the region. The most important factors to support the current activity of the Shor and Tatar languages in all the bilingual age groups including the first one are the residence density in native places of the original population, the revival of national identity, supported institutionally in the areas under study; the less important factors are traditional family upbringing and the trend towards mono-ethnic marriages. The revealed tendencies are common and at the same time variably manifested in the language situations of Russian-Shor and Russian-Tatar bilingualism.

REFERENCES

1. Dybo, A.V. (2007) *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks: lexical fund: the pre-Turkic period]. Moscow: Vost. lit.
2. Lemskaya, V.M. (2016) Expressing possession through predicative constructions in Chulym-Turkic. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4 (14). pp. 37–42. (In Russian).
3. Tokmashev, D.M. & Lemskaya, V.M. (2015) Possessive noun constructions in Teleut and Chulym-Turkic. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 4 (10). pp. 24–35. (In Russian).
4. Fedotova, N.L. (2017) On the order of the personal-possessive declension suffixes in the Selkup language. *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altai Studies*. 2 (25). pp. 67–79. (In Russian).
5. Vorobeva, V., Novitskaya, I., Girfanova, K. & Vesnin, V. (2017) Adnominal possessive constructions in Narym, Vasjugan and middle-Ob dialects of Selcup. *Linguistica Uralica*. 53(1). pp. 54–64.
6. Vafina, A.D. & Yumagulova, Yu.M. (2017) Tipologiya slovtvorcheskikh innovatsiy v usloviyakh russko-tyurkskogo dvuyazychiya. [Typology of word creation innovations in the conditions of Russian-Turkic bilingualism]. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 2 (69). pp. 130–134.
7. Boronnikova, N.V. (2014) About interference in case system (In Russian spontaneous texts of the Tatars and the Komi-Permyaks). *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya – Socio Psycho Linguistic Research*. 2. pp. 115–120. (In Russian).
8. Saitbatalov, I.R. & Sayakhova, D.K. (2016) Linguistic and cultural interference in the Russian language in the Republic of Bashkortostan. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 12 (66):2. pp. 163–165. (In Russian).
9. Gordeeva, O.I. (1965) *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivaemyy yazyk v protsesse stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov)* [Some laws of the influence of the native language on the learned language in the formation of bilingualism (on the material of Russian and Tatar Siberian dialects)]. Philology Cand. Dis. Tomsk.
10. Vesnina, G.Yu. & Kustova, G.I. (2015) Lingvisticheskiy korpus “Tomskiy regional’nyy tekst”: yavleniya yazykovoy interferentsii v russkoy rechi bilingvov Tomsk i Tomskoy oblasti [The linguistic corpus “Tomsk Regional Text”: phenomena of language interference in the Russian language of the bilinguals of Tomsk and Tomsk Oblast]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental’nykh issledovaniy*. 5(4). pp. 697–701. [Online] Available from: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=7201>. (Accessed: 07.09.2018).
11. Rezanova, Z.I. & Vesnina, G.Yu. (2016) Meta-data and annotation design of the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus in the structure of the Tomsk Regional Corpus. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 29–39. (In Russian). [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000539357>. (Accessed: 07.09.2018). DOI: 10.17223/22274200/9/3
12. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7
13. Zograf, G.A. (n.d.) *Mnogoyazychie* [Multilingualism]. [Online] Available from: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/mnogoiazychie/366>. (Accessed: 07.09.2018).
14. Avrorin, V.A. (1972) Dvuyazychie i shkola [Bilingualism and school]. In: Azimov, P.A., Desheriev, Yu.D. & Filin, F.P. (eds) *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya* [Problems of bilingualism and multilingualism]. Moscow: Nauka.
15. Imedadze, N.V. (1979) *Eksperimental’no-psikhologicheskie issledovaniya ovladeniya i vladeniya vtorym yazykom* [Experimental psychological studies of mastering of and proficiency in a second language]. Tbilisi: Metsniereba.
16. Mackey, W.F. (1970) A Typology of bilingual situation. *Foreign Language Annals*. 3(4). pp. 596–606.
17. VPN-2010. (2010) *Federal’naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 07.09.2018).
18. Tomsk Oblast. (n.d.) *Ofitsial’nyy portal Administratsii Tomskoy oblasti* [The official portal of the Administration of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru>. (Accessed: 07.09.2018).
19. Kemerovo Oblast. (n.d.) *Administratsiya Kemerovskoy oblasti* [Administration of Kemerovo Oblast]. [Online] Available from: <https://ako.ru/>. (Accessed: 07.09.2018).
20. Oblastnoe gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul’tury “Tsentri tatarskoy kul’tury”. [Online] Available from: <http://tatar-tomsk.ru/>. (Accessed: 07.09.2018).
21. Tadarlar.ru. (n.d.) *Tadarlar.ru – informatsionnyy proekt o shorskoy narode* [Tadarlar.ru – an information project about the Shor people]. [Online] Available from: <http://tadarlar.ru/>. (Accessed: 07.09.2018).
22. Sotsiolingvisticheskaya anketa. [Online] Available from: <http://ilingran.ru/main/departments/ural-altaic>. (Accessed: 07.09.2018).
23. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. [Online] Available from: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq/>. (Accessed: 07.09.2018).
24. Russian Federation. (2001) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.constitution.ru/>. (Accessed: 07.09.2018).
25. Kibrik, A.E. (1992) *Ocherki po obshchey i prikladnoy voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied issues of linguistics]. Moscow: Moscow State University. pp. 67–79.
26. Aynutdinova, L.M. (ed.) (2016) *Regiony kompaktnogo prozhivaniya tatar v Rossiyskoy federatsii* [Regions of compact residence of Tatars in the Russian Federation]. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. [Online] Available from: <http://antat.ru/ru/ite/publishing/novye-izdaniya/files>. (Accessed: 07.09.2018).

Received: 12 September 2018